

ЭТОТ НЕИЗВЕСТНЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ

Эдисон Денисов — один из самых известных в мире советских композиторов.

До Московской консерватории он закончил механико-математический факультет Томского университета — факт, который очень любят сбыгрывать музыкальные критики («сочетание пылкой фантазии с любовью к поиску точной истины», «гармония, поверенная алгеброй»).

Среди произведений, созданных Денисовым, — опера «Пена дней» по роману Бориса Виана, балет «Исповедь», произведения для гопоса с различными инструментами: «Солнце инков», «Плачи», «Жизнь в красном цвете».

26 мая на фестивальном концерте в Малом зале Филармонии прозвучал «Concertopicc.о» в исполнении французского саксофониста Клода Делангля и ансамбля ударных инструментов под руководством Марка Пекарского. Музыка Денисова... Впрочем, пересказать ее словами не могу. Ее нужно слушать. А где можно услышать! Об этом (хотя и не только) — беседа с композитором.

как Лувье, Ксенакис, просто-напросто раньше «не допускались». Правда, хватает и незначительных произведений, случайных...

Во времена Прокофьева, Шостаковича концертные залы были полны, и не нужно было присылать роты солдат, чтоб создать «публику». А сейчас? Распугали слушателей, потому что подсовывали им суррогаты. Так получается, пока культура ориентирована на тиражирование посредственности.

— Что касается непосредственно вашего творчества... Вы написали музыку к спектаклю Владимира Репетера «тетрадь Юрия Живаго» в нашем Театре драмы и комедии. Чем вас привлекла эта работа?

— Для меня это было делом чести — принять участие в «театрализации» замечательного романа, который столько лет не был опубликован. Я просто считал это своей гражданской обязанностью — так же, как больше десяти лет назад, когда работал на Таганке над «Мастером и Маргаритой». На мой взгляд, музыка играет очень большую роль в обоих спектаклях, хотя они очень разные.

У меня особое отношение к Булгакову. Когда Игорь Кваша в «Современнике» ставил «Кабалу святош» и «Дни Турбиных», я согласился сотрудничать.

— Симфонические произведения, камерные, музыка в театральном постановке... У вас ведь есть еще и музыкально-ведческие работы?

— Для меня все они — итог моей «второй учебы» — самостоятельной. А вообще, в этом нет ничего удивительного: многие композиторы писали книги, испытывали в этом потребность. Я считаю, что музыкант должен не только ноты писать, но и размышлять. Как можно больше...

Интервью взяла
Е. ГОДУНОВА

— Эдисон Васильевич, на вас долгое время был навешен ярлык «модерниста», со всеми вытекающими последствиями. Как вам работало все эти годы?

— В шестидесятые, после окончания аспирантуры в Консерватории, я практически ничего не писал для большого оркестра — только камерную музыку. Занимался самообразованием. Ведь в то время даже Дебюсси не изучался в Консерватории, не говоря уже о Бартоке, Стравинском и других. Я учился у Виссариона Шебалина, прекрасного педагога, но чувствовал, что образования моего мне недостаточно.

Главное — в основном концерты — написано потом: Концерт для скрипки с оркестром, премьера которого состоялась в 1977 году в театре Ла Скала, играл Гидон Кремер. Или Концерт для альта, впервые исполненный в Западном Берлине.

Что я считаю наиболее получившимся? Пожалуй, уже названный скрипичный концерт, оперу «Пена дней» (премьера — в Парижской опере), балет «Исповедь», «Реквием», написанный в восьмидесятом году по заказу Гамбургского радио... И еще, наверное, Симфо-

нию, посвященную 20-летию юбилею Парижского оркестра, первое исполнение которой состоялось 2 марта этого года в Париже.

— Париж, Милан, Западный Берлин, Гамбург... Почему большинство премьер ваших произведений — за границей?

— Потому что практически все они запрещались к исполнению в нашей стране. Не разрешали издавать пластинки, ноты. И даже до сих пор у нас в стране издано только две мои партитуры.

Новое поколение советских композиторов — одно из самых интересных в мире. Среди них многие — с мировым именем, но кто у нас слышит их произведения? В Ленинграде — Александр Кнайфель, Москвичи — Александр Вустин, Дмитрий Смирнов, Елена Фирсова, Александр Раскатов, сочинения которых исполняются практически только на фестивале «Московская осень» и то — только потому, что ситуация в Московском отделеении Союза композиторов лучше, чем во всех остальных.

Они получают международные премии, заказы (Фирсова, например, — к юбилею Стравинского от издательства «Сикорски»). Но, между прочим,

их нет в программе и этого фестиваля.

— Значит, ситуация и сейчас почти не изменилась?

— В общем-то — да. Почему? На мой взгляд, в Союзе композиторов СССР — никакой перестройки, и, по-моему, она не предвидится. Дело в том, наверное, что музыка — искусство не сиюминутное, видимо, общество не ощущает сейчас в ней такой жгучей потребности, как, допустим, в журналистике, литературе или кино. Да многолетний застой, инертность делают свое дело. Ведь люди в руководстве Союза композиторов не менялись в течение двадцати-тридцати лет. А если и появляются новые лица, то они не выбраны, а назначены.

Еще недавно на Старом Арбате был магазин цененных грампластинок, и там пылились в основном авторские пластинки секретарей Союза: по двенадцать, по двадцать копеек продавались — никто не брал. Среди секретарей есть и хорошие музыканты, но они почти все работают «на себя»: звания, концерты и тому подобное...

Третий Международный фестиваль заметно отличается от предыдущих. Он интереснее по составу. Такие композиторы,